

ПРОИСХОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Солеймани Сара

аспирант Кафедры Социологии Российского Университета Дружбы Народов, РФ, г. Москва

The Origin of Russian Orthodox Culture

Sara Soleimani

PhD student, Social Science Department, Peoples' Friendship University of Russia, Russia, Moscow

Аннотация. После принятия православия как официальной религии на Руси понадобилось довольно много времени, чтобы религиозная культура и догматика церкви смогли слиться с русской культурой. Выбор восточного христианства как модели для Древней Руси оказал глубокое влияние на Русскую православную церковь, а также на духовность и культуру, развитию которых способствовала эта модель. Неминуемый упадок Константинополя, завоевание Руси монголами и перенос культурно-политического центра Руси из Киева в Москву – вот три важных политических события, которые имели судьбоносное значение для религии в России.

Abstract. After the adoption of Orthodoxy as an official religion in Rus, it took quite long time for religious culture and dogmatism, so that church could merge with Russian culture. The choice of Eastern Christianity as a model for ancient Russia had a profound impact on the Russian Church, its spirituality and the culture that it fostered. The imminent decline of Constantinople, the conquest of Rus by Mongols and transfer of the cultural and political center of Rus from Kiev to Moscow – these are three important political events that has crucial influence on religion in Russia.

Ключевые слова: Православная церковь; Древняя Русь; культура; Россия; христианство

Keywords: Orthodox Church; Ancient Rus; culture; Russia; Christianity

В 1988 году Русская православная церковь широко отмечала Тысячелетие крещения Руси (по сути – тысячелетие своего существования). В ходе празднования вспоминались те времена, когда князь Владимир (святой равноапостольный князь Владимир) принял сам и обратил свою нацию в восточное христианство, сделав его официальной верой Древней Руси.

Представляется, что Владимир не встречал большого сопротивления населения обращению в новую веру, но было бы ошибкой говорить, что оно было абсолютно добровольным. Остатки древней народной религии и верований сохранились на протяжении веков в России, предполагается, что они глубоко укоренились на русских землях. В летописях и легендах упоминается множество случаев, когда Владимиру и его окружению приходилось прибегать к применению силы. Преобразование Новгорода, в частности, сопровождалось насилием, и 100 лет спустя все в городе, кроме духовенства и дворянства, оставались язычниками, а не христианами [1].

Язычество на Руси было слабо институционализировано: не было священников, храмов, регулярных форм богослужения или сложной мифологии, но, похоже, оно находило глубокий отклик в сердцах людей. Как нередко бывало в случае христианизации языческих народов, новая религия стала более приемлемой благодаря синкретизму. Таким образом, «Перун, бог грома, становится Илией с его огненной колесницей, Велес становится святым Власием и по-прежнему является покровителем скота». Как отметил Федотов [2], христианский культ Марии был смешан в Древней Руси с Матерью-Землей и культом женских богинь, один был тесно связан с рождением, а другой – с управляемой индивидуальной судьбой, так что Дева Мария воспринималась как мать всего человечества в русском православии.

Таким образом, можно говорить, что когда христианство пришло на Русь и культ Божественного Материнства был перенесен на Богородицу (Богоматерь), старинная языческая мифология продолжала развиваться в новом христианском контексте.

Местные культы преумножались в ответ на этот синкретизм, и в течение первых нескольких столетий после «обращения» в новую религию на Руси была, по сути, «двойная вера»: с христианским ритуалом и обрядами, охватывающими языческие традиции и праздники [3]. Потребовалось около шести веков, чтобы христианское благочестие укоренилось в сердце русского народа, но как только это произошло, оно отразилось в суровой форме строгого ритуального обряда: постоянная борьба с самим собой, коленапреклонение, длительные ночные бдения и тому подобное. Сначала только высший класс имел четкое представление о христианстве. Религиозные знания правящего класса оставались островными, потому что духовенство, прибывшее в основном из Константинополя, часто не говорило по-русски и общалось главным образом с элитой. Эти русские, глубоко вовлеченные в религиозную жизнь, стремились подражать, хотя и не успешно, предельному аскетизму восточно-христианских монахов, в результате чего дистанция между ними и населением становилась еще больше.

В течение следующих нескольких столетий уровень благочестия среди русского духовенства снизился, поскольку теперь священнослужителями были преимущественно русские, склонность к аскетизму уменьшилась, а сами духовные лица постепенно переключились на удовлетворение ритуальных потребностей населения. Независимо от того, понимал ли кто-либо этот ритуал, это было уже не столь важно. Известный российский историк Павел Милюков отметил, что в это время уровень духовенства стал довольно низким, было много неграмотных священников (поэтому многие историки церкви считали этот период ослаблением Церкви). Несмотря на то, что духовенство начало терять свою культурную и образовательную значимость, среди населения в целом заметно увеличилось количество практикующих христиан. К пятнадцатому или шестнадцатому столетию духовенство и народ достигли более-менее одинакового среднего уровня религиозного сознания – недостаточно глубокого, чтобы удовлетворять критериям аскезы, но значительно выше, чем тот, который был распространен на более ранней стадии «двойной веры».

Именно магическое значение обряда стало причиной и условием его популярности [в соответствии со старым народным культом]. Поэтому обряд и выступал в роли того самого посредника, благодаря которому соприкасались верхний и нижний слои русской веры: первый постепенно терял истинную концепцию содержания, а последний постепенно приближался к пониманию формы [4].

В течение этого первого 600-летнего христианского влияния три важных политических события имели большое значение для судьбы религии в России: неотвратимый упадок Константинополя, завоевание Руси монголами и перенос культурно-политического центра Руси из Киева в Москву.

Поскольку Русь объединилась с византийским христианством, сосредоточенным в Константинополе, она также должна была почувствовать последствия устойчивого политического упадка Византии. В 1453 году турки окончательно захватили Константинополь. Греческое влияние не было достаточно сильным, чтобы сгладить углы российской цивилизации до тринадцатого века; когда Русь была под монголо-татарским игом, резко сократились контакты с византийцами. Тем не менее византийская традиция и церковная администрация оставили свой узнаваемый след в России. Это наследие восточного христианства выходит на первый план в вопросе подчинения Церкви государственной власти – тема, которая приобрела свой самый русский оттенок в течение следующих 600 лет. Второе важное наследие Константинополя состояло в том, что греческая церковь была единственной истинной церковью, все остальные христианские церкви впали в ересь или были поражены коррупцией [5]. Константинополь продолжал оставаться образцовой моделью для Русской православной церкви еще много лет, но к середине пятнадцатого века он потерял всякий официальный контроль над русской церковью. Неспособность объединить восточные и западные ветви христианства на Ферраро-Флорентийском соборе поставила точку в процессе трансформации Русской православной церкви в автокефалическое религиозное объединение.

Выбор восточного христианства как модели для Древней Руси оказал глубокое влияние на Русскую православную церковь, способствовал развитию духовности и культуры. Во-первых, язычество прочно укоренилось в синкретических элементах и проявлялось в магической концепции обрядов Церкви. Как бы ни был искренен и набожен русский православный христианин, имели место моменты нестабильности веры, которая в любой момент могла обернуться нечестивыми языческими практиками. Это может быть причиной, почему Русская православная церковь всегда была столь категорична в отношении вечных истин веры и абсолютной истины, которую она утверждает в каждом религиозном смысле. Это постоянное требование может отражать необходимость контролирования недисциплинированного язычника «изнутри». Следовательно, доктринальная жесткость и негибкость в ритуальной практике являются частью русской религиозной культуры.

Во-вторых, утверждение Константинополя о том, что это единственный истинный преемник древней христианской церкви, утверждение, бросившее тень на западную христианскую традицию, ставит крест на разнообразии в Русской православной церкви. Даже незначительное доктринальное или ритуальное несогласие среди верующих было опасно, расценивалось как предвестник раскола. Христианские движения за пределами православной церкви можно было рассматривать только как ересь, подвергая их гонениям. Не могло быть и речи практически ни о каком разнообразии религиозных взглядов или практик. Поэтому нетерпимость к инакомыслию можно назвать еще одной отличительной чертой русской религиозной культуры.

В-третьих, центральное место в восточном христианстве отводится принципу, согласно которому церковь должна быть однозначно подчинена государству. Эта заповедь соответствовала византийской концепции «симфонии», символизируя конечную гармонию религии и правительства. Поскольку Патриарх Константинопольский должен был подчиниться византийскому императору, митрополит и позднее Патриарх всея Руси должны были подчиниться царю. Восточные церкви были построены вокруг национальной концепции церкви.

Наконец, была резкая оппозиция Западу, которая отражала раскол христианской церкви на восточные и западные церкви. Когда западноевропейское Средневековье взорвалось в эпоху

Возрождения, Реформации и Просвещения, «стена» между Востоком и Западом выполнила функцию сдерживания – этими великими социальными потрясениями не получилось «заразить» Россию.

Список литературы:

1. Pares V. A History of Russia, Definitive Edition. - New York: Vintage, 1965.
2. George P. Fedotov. The Russian Religious Mind. - New York: Harper, 1946.
3. Miliukov P. Outlines of Russian Culture: Religion and the Church. - Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1942. - p. 11.
4. Pankhurst J. Religious Culture: Faith in Soviet and Post-Soviet Russia, 2012. -p. 5.
5. Pankhurst J.p. 6.